

IV. Эссе

Борис Хазанов

Творческий путь Геббельса

Есть что-то извращённое в том, что наша память прикована к именам этих людей. Страшный век, оставшийся позади, – для нас это век двух самых разрушительных войн, век концентрационных лагерей, век тайной полиции, век Сталина и Гитлера.

Поистине великое унижение нашего времени состояло в том, что на ролях всесветных властителей оказались люди низкие и бесовестные, умственно ограниченные, люди примитивного образа мыслей и невысокой культуры. «Руководство, – заявил в одной из своих речей Геббельс, – имеет мало общего с образованием». Он был прав. Можно сколько угодно говорить о выдающемся коварстве Сталина, дивиться его инстинктивному пониманию методов и механизмов неограниченной власти, – достаточно прочесть сочинения вождя, чтобы оценить его убогий интеллект. Можно отдать должное дару гипнотизировать толпу, которым владел Гитлер, – его хаотическая книга оставляет такое же прискорбное впечатление, как и труды Сталина. Ничего общего с величием – речь идёт о выдающейся низости.

Власть развращает её носителя, власть даёт возможность развернуться вволю его низменным инстинктам. Но существует обаяние власти. Власть, и тем более – всеильная власть, бросает особый ответ на всё, что творит властитель. В устах тирана банальности начинают казаться прозрениями, пошлость преобразуется в глубину мысли, площадной юмор становится тонким остроумием. Жестокость, подлость, аморализм – воспринимаются как веления высшей необходимости. Аура всемогущества заставляет рабов романтизировать властителя, поклоняться божественным сапогам. Этим объясняется желание видеть в диктаторе, вопреки очевидности, великого человека, на худой конец представить его демоном, возвести в ранг Антихриста. Мысль о том, что нами правил карлик, невыносима.

Ни один русский самодержец не пользовался властью, сравнимой с властью Сталина, никакой временщик не обладал столь неограниченными возможностями злоупотреблять властью. Что касается Гитлера, достаточно будет напомнить о специальном решении рейхстага (превратившегося, подобно Верховному Совету

СССР, в машину для аплодисментов) о праве фюрера распоряжаться судьбой каждого гражданина страны, игнорировать любой закон.

1

Пауль Йозеф Геббельс находился – вместе с Германом Герингом, Мартином Борманом и Генрихом Гиммлером – на высшей ступени у подножья вождя. Геббельс был куда более яркой фигурой, чем хвастливый солдафон Геринг, непроницаемый Борман и страшный, но безликий Гиммлер. Низкорослый, щуплый, припадающий на левую ногу человек, наделённый к тому же отнюдь не арийско-нордической внешностью, был снедаем неутолимой жаждой деятельности, обладал способностями незаурядного оратора, он был единственным в нацистской верхушке человеком пера – писателем и публицистом – и одним из редких в этой среде интеллигентов.

Сохранилось большое количество фотографий Геббельса, почти все они (как и кадры киноплёнки) тщательно отобраны, процежены, почти все носят более или менее парадный характер. Но, в отличие от множества документов такого рода, среди них нет обычных для тоталитарной пропаганды фальсификаций. На многое из того, что в те времена делалось и воспроизводилось напоказ, сегодня невозможно смотреть без смеха и отвращения; фильмы и фотографии, которые должны были внушать благоговение и восторг, обладают разоблачительной силой похлеще всяких карикатур. Это в равной мере относится к иконографии главварей, к документально-пропагандистским лентам наподобие фильмов Лени Рифеншталь и, конечно, к псевдо-художественной продукции. Правда, среди увенчанных наградами творений государственных живописцев («Знаменосец» – рыцарь в шлеме и латах с лицом Гитлера, на коне, с кроваво-красным стягом, «Рейхсмаршал Герман Геринг на охоте» и т.п.) полотен с Геббельсом не было.

Много снимков жестикулирующего Геббельса, с разверстым ртом, с вздетыми кулаками или растопыренными пальцами перед грудью, – он на трибуне. Поясной фотографический портрет начала сороковых годов представляет имперского министра народного просвещения и пропаганды и председателя Палаты по делам культуры в минуту импозантной задумчивости. Он в двубортном полупиджаке, полумундире, в шёлковом галстуке, на правом рукаве красная повязка с белым кругом и свастикой, на груди круглый золотой значок партии. Тёмные волосы без пробора зачёсаны назад. Геббельсу 44–45 лет. Довольно правильные черты лица, которым, однако, убегающий назад лоб и выступающая верхняя челюсть придают нечто крысиное; беспокойный взгляд, напряжённое выражение, словно он проглотил комок слюны, глубокие складки на щеках и вокруг рта –

следы государственных забот. Общее впечатление нервного и даже несчастливо-го субъекта.

Любопытная фотография начала тридцатых годов: «эпоха борьбы». Власть ещё не завоёвана. Геббельс – ему 34 года, – улыбаясь, выходит из помещения избирательного участка. Длиннополое пальто-макинтош не может скрыть недостатка его фигуры, он коротконог. Отчётливо видна увечная левая нога. После переворота 1933 г. этот слишком реалистический снимок не публиковался.

Ещё одна фотография. Главный уполномоченный по ведению тотальной войны, в длинном кожаном пальто, в орлиной фуражке, непомерно большой для его маленькой головы, с римским жестом – хайль Гитлер! – вышагивает вдоль шеренги солдат на площади маленького городка в Восточной Пруссии. Март 1945 года. Из рядов на Геббельса смотрят пожилые люди с плохой выправкой, и среди них мальчик лет двенадцати с Железным крестом на груди, в огромном шлеме, который ему тоже слишком велик. У министра пропаганды грозно-решительное лицо, провалившиеся глаза. Геббельсу остаётся жить два месяца.

Последний фотоснимок сделан в Берлине во дворе имперской канцелярии в первых числах мая 1945 г. Среди груды кирпичей лежит что-то страшное, видна скрюченная обгорелая рука. Штамп по-русски: «Совершенно секретно! Оглашению не подлежит!»

2

Как все или почти все руководители Третьей империи, он был выходцем из мещанской мелкобуржуазной среды. Его отец, в юности – мальчик на побегушках, выбился в служащие чулочной фабрики. Мать, наполовину голландка, была малограмотной служанкой. Геббельс родился в октябре 1897 г. в городке Рейдт, который ныне является районом города Мёнхенгладбах, в Рейнской области. Происхождение его увечья остаётся неясным. Косолапость (*pes vagus*, подвёрнутая внутрь стопа) почти всегда бывает врождённой, чаще встречается у мальчиков. Но все врождённые или наследственные недуги и деформации с точки зрения нацистской идеологии были признаком расовой неполноценности. В «Листках воспоминаний», предваряющих дневники Йозефа Геббельса, он довольно невразумительно рассказывает о костном заболевании, долгом и безуспешном лечении. Инвалидность отгородила юного Геббельса от сверстников («мои одноклассники меня никогда не любили»), лишила возможности заниматься спортом, позже сделала непригодным для военной службы.

Случай Геббельса – образцовая иллюстрация психологического явления, называемого компенсацией. Я для вас инвалид, не мужчина, неполноценный человек, – так вот, я вам всем покажу. Геббельс, единственный в многодетной семье, по-

ступает в гимназию, прекрасно учится и заканчивает школу в числе лучших. Учитель словесности, еврей, опекает его, находит у него блестящие способности.

Геббельсу было 17 лет, когда началась Мировая война, он записался в армию добровольцем, был забракован врачебной комиссией (позже он рассказывал, что хромает из-за ранения, полученного на фронте), спустя три года имматрикулировался в Бонне, сменил несколько университетов: Фрейбург, Мюнхен, Кёльн, Франкфурт, Берлин, ютился в дешёвых комнатухах. После первого семестра ему пришлось просить католическое общество поддержки неимущих студентов о финансовой помощи. Геббельс удостоился похвальных отзывов. Он закончил учёбу в Гейдельберге, под руководством известного германиста Гундольфа, как на зло тоже еврея, защитил диссертацию о немецком драматурге XIX века Вильгельме Шютце и получил вожделенный докторский титул.

3

Он был влюбчив, «вечно бегал за юбками», по словам товарища школьных и студенческих лет Фрица Пранга. «Видимо, инвалидность и маленький рост пробуждали у женщин материнские чувства. А затем, – добавляет Пранг, – он переходил в наступление». Самое стойкое увлечение этой поры – Анка Штальгерм, прототип героини романа «Михаэль»; ей адресованы горы писем и посвящено немало выпренных, патетически-прочувствованных и слюнявых страниц в «Листках воспоминаний». Но у него есть соперник. Геббельс одерживает победу. В летний день на лугу под Фрейбургом, в стоге сена происходит великое событие.

В конце концов фрейлейн Штальгерм оставила Геббельса, но десять лет спустя произошла новая встреча. К этому времени Анка пережила неудачный брак, развелась с мужем, бедствовала; она обратилась за помощью к могущественному министру пропаганды. Геббельс устроил её в редакцию женского журнала. При этом случилась неприятность: бывшая возлюбленная не умела держать язык за зубами. Разнеслась весть о том, что Геббельс когда-то преподнёс ей «Книгу песен» Гейне с красноречивой дарственной надписью. Того самого Гейне, которого он, в первые же недели после своего назначения министром, распорядился включить в списки книг, подлежащих публичному сожжению.

Преемницей Анки Штальгерм стала знакомая Пранга (вступившего в это время в нацистскую партию), молодая учительница по имени Эльза, девушка из состоятельной семьи и, увы, дочь еврейской матери, как выяснилось позже, к великому разочарованию поклонника. Поистине злой рок преследовал молодого Геббельса. Между тем состоялась помолвка, которая длилась пять лет, нарушаемая бурными ссорами и вновь скрепляемая клятвами в верности. Геббельс гол как сокол, родители Эльзы решительно против их брака; так ничего и не вышло.

О ранних литературных опытах Геббельса имеются общие сведения: он писал рассказы, драмы в прозе и стихах («Скиталец», «Одинокий гость», «Кровавый посев»); последние две пьесы были поставлены в маленьком берлинском театре в 1927 и 1929 гг.), сочинил стилизованную биографию некоего Михаэля Фоормана, своего alter ego. В студенческие годы Геббельс много и жадно читает, его интересуют Маркс, Ницше, Шпенглер, он в восторге от Достоевского, в котором видит национального пророка, мистическую душу России. Жизнь не ладится, родители едва в состоянии наскрести денег на учёбу, рестораны, пикники и путешествия оплачивает подруга. Окончив курс, новоиспечённый доктор философии остался без работы, пришлось вернуться в Рейдт. На дворе – двадцатые годы.

Республика, сменившая империю Гогенцоллернов, имела своей столицей, как и прежде, Берлин, но называлась Веймарской в честь городка в Тюрингии, где некогда жили Бах и Лука Кранхстарший, Гердер, Виланд, Шиллер и Гёте. В августе 1919 года в Веймаре Национальное собрание приняло новую конституцию страны. Предыдущее государство не сумело прожить и полвека, последующее погубило на 14-м году своего существования; чтобы понять, отчего это произошло, полезно кое-что вспомнить.

На исходе Мировой войны (которая тогда ещё не называлась первой) Германия, как ни удивительно, стояла на пороге победы. Никогда военно-стратегическое положение не выглядело столь блестящим. На востоке армия занимала линию от Эстонии до Ростова-на-Дону. Западный фронт находился вдали от границ рейха. Было решено закончить войну одним ударом. Весной 1918 г. немцы прорвали фронт в северной Франции. За этим последовало ещё два рывка вперёд; снова, как в начале войны, победоносная рать докатилась до Марны. Но затем наступательный порыв иссяк. На помощь французам и англичанам пришли американцы. Германия была истощена четырёхлетней войной. Голодало не только население в тылу, но и воюющая армия. Вступление в войну Соединённых Штатов окончательно отняло шансы на победу.

Монархия рухнула, в мае 1919 г. республиканскому правительству был представлен проект Версальского мирного договора; он вызвал гнев и отчаяние. К урону, нанесённому войной, присоединилась перспектива новых долговременных жертв и унижений. Договор предусматривал потерю государственной территории, на которой проживала десятая часть населения страны, потерю трёх четвертей запасов железной руды, четверти запасов угля и одной шестой посевных площадей. Восточная Пруссия была отделена от остальной Германии так называемым Польским коридором. Германия лишилась всех своих колоний в Африке и других частях света; все заграничные вложения подлежали конфискации. У неё был отнят торговый флот, главные реки страны и Кильский канал были ин-

тернационализированы, предусматривалась оккупация рейнского Левобережья и правобережной части нескольких крупных городов на Рейне, страна не имела права производить тяжелое оружие, вооружённые силы не должны были превышать численность, необходимую для подавления внутренних беспорядков, и так далее. Специальная статья Версальского договора возлагала на Германию всю вину за Мировую войну. И, наконец, предстояло выплачивать миллиардные контрибуции.

Договор был подписан, воцарился мир; как мы знаем, он длился недолго. Впервые за всю историю, если не считать короткого эпизода революции 1848 г., в Германии был провозглашён республиканский строй. Но это была, как кто-то съязвил, республика без республиканцев.

5

Драма Веймарской республики состояла из трёх актов. Первый – смутные годы становления демократии и одновременно годы, когда казалось, что демократия себя дискредитировала: экономическая разруха, уличные бои, нищета, голод, фантастическая инфляция; к концу 1923 г. доллар стоил 4 миллиарда 200 миллионов марок, деньги стали во много раз дешевле бумаги, на которой они были напечатаны. Акт второй: по контрасту, как и полагается в театре, сцена залита ярким светом – «золотые двадцатые». Фактически всего пять лет, с 1924 по 1929. Стабилизация, упрочение валюты, приток иностранного капитала, подъём немецкого экспорта, время относительного благополучия, даже расцвета, эра фокстрота и экстравагантных мод; время, когда крайние анти-конституционные партии и группы ненадолго теряют престиж. Третий и последний акт – крах нью-йоркской биржи и мировой экономической кризис, поразивший все европейские страны, особенно Германию. Тут-то и ожила партия, о существовании которой все забыли: в точном соответствии с кривой роста безработицы (в 1929 г. 1,8 млн. безработных, в 1932 – 5 с половиной миллионов) идёт нарастание националсоциалистического «движения». Когда мы в сотый раз задаём себе вопрос, как могло случиться, что в Германии воцарился каннибальский режим, нам приходится принять во внимание целый клубок обстоятельств.

Кризис разорил предпринимателей и растравил старые раны. Людям казалось, что они со всех сторон окружены врагами. Враги гнездились и внутри – возродилась легенда об ударе ножом в спину: если бы не измена в тылу, доблестная армия одержала бы победу, не было бы Версаля и так далее. Общая нестабильность подорвала доверие к правительству и государству, у республики снова не осталось приверженцев. В читающей стране писатели и публицисты внушали мысль о том, что буржуазный либерализм, парламентская демократия, многопар-

тийная система изжили себя. Расцвёл миф о новом справедливом мире, который строится в Советской России. Умножились ряды коммунистической партии. С другой стороны, ожил национализм, который всегда был силен в этой стране: так называемое национальное самосознание стало приобретать агрессивно-злокачественные черты.

Задолго до того, как Йозеф Геббельс стал одним из тех, чья нравственная и политическая физиономия сформировала отвратительный лик эпохи, современность наложила резкий отпечаток на его судьбу. Путь Геббельса, полунищего студента, антикапиталистического бунтаря не-определённой ориентации, субъекта с истерическими наклонностями, с уязвлённым честолюбием, крикуна, патриота, антисемита и, наконец, фанатика-националсоциалиста, – путь этот, при всём том, что он привёл Геббельса на высоты власти, весьма типичен.

6

Первые пробы пера малоудачны, попытки пробиться в журналистику и литературу безуспешны, статьи, которые он рассылает в редакции, возвращаются, пьесы никто не хочет читать. Это не смущает автора; он уверен, что его час придёт. Геббельс захвачен революционной идеей. Эта идея в известной мере сближает его с так называемой Консервативной революцией, широко распространившимся в двадцатые годы и достаточно неоднородным идейно-политическим течением, которое возглавили блестящие умы; Геббельс – их карикатурное повторение. Он ещё не нацист, он станет им завтра.

Время от времени удаётся найти работу то там, то здесь: мелким служащим в кёльнском филиале Дрезденского банка, на кёльнской бирже; его не берут в сотрудники берлинской газеты, не принимают в театр. Зато удалось устроиться секретарём депутата рейхстага от маловлиятельной правой партии. Геббельс печатается в партийной газетке. Важное знакомство: на молодого человека обратил внимание гаулейтер округа Рейн-Рур и предложил работу в своей конторе.

Старинное, вышедшее из употребления слово Gau возродилось в нацистском лексиконе: оно означало территориальную единицу во главе с местным партийным руководителем. Партия, еще очень немногочисленная, начала распространять своё влияние за пределы Баварии. Вскоре Геббельс выдвинулся как оратор на митингах и автор зажигательных статей в только что основанном журнале «Нацио-налсоциалистические письма». К этому времени он уже состоит в партии. Многообещающего активиста представляют самому Гитлеру, выпущенному на поруки из крепости в Ландсберге близ Мюнхена, куда фюрер угодил после провалившегося путча 1923 года. В феврале 1925 г. запрещённая партия, как птица Феникс, восстала из грязного пепла. В июле вышел первый том «Моей борь-

бы». Вскоре после личного знакомства состоялась вторая встреча с Гитлером на партийном слёте в Бамберге.

Это начало карьеры Геббельса. Дневники второй половины 20-х годов дают представление о бурной деятельности этих лет: собрания, пропагандистские акции, метания по стране, нередко вместе с вождём. Всё чаще на фотографиях той поры он стоит позади Гитлера. Геббельс надрывается на митингах, сам становится гаулейтером Берлина с собственным штатом, основывает (июль 1927) газету «Атака» под девизом: «За угнетённых! Против эксплуататоров!». Сначала газета выходит один раз в месяц тиражом 2000 экземпляров, потом дважды в неделю и, наконец, ежедневно. В каждом номере – передовица редактора, грозные инвективы против веймарского режима, агрессивное юдофобство и воспевание героических деяний партии. В следующем, 1928 году Геббельс избран депутатом рейхстага (один из 12 мандатов, добытых партией на выборах) и получает от Гитлера назначение возглавить всю партийную агитацию и пропаганду.

И, наконец, ещё одно событие: чрезвычайно выгодная женитьба. Магда Квандт, разведённая жена фабриканта – высокая светловолосая дама северного типа, с хорошими средствами, горячая поклонница фюрера и образцовая мать: в браке с Геббельсом родилось шесть детей, все дети (как и сын от первого брака) получили имена на букву Г, ту же, с которой начинается фамилия вождя. Гитлер выразил желание быть свидетелем на бракосочетании и почётным гостем пышно отпразднованной свадьбы.

7

Роман «Михаэль. Немецкая судьба в листках дневника», самое крупное художественное произведение Геббельса, был написан в 1921–22 годах. Все издатели, которым автор разослал книгу, отвергли её. Роман вышел лишь в конце двадцатых, в издательстве Eher, которое с 1920 г. принадлежало нацистской партии и в 1925-26 гг. выпустило оба тома «Моей борьбы» Гитлера. После захвата власти Eher превратился в могущественный концерн, к концу войны контролировал сбыт четырёх пятых всей немецкой газетно-журнальной продукции. Но мы пока ещё в Веймарской Германии.

Авторское предисловие к роману даёт представление о его слоге. «Дневник Михаэля – это памятник немецкого горения и самоотдачи, который потрясёт и утешит. В его скромном зеркале зеркально отражены все те силы, которые сегодня формируют нас, молодых, для единой мысли, а завтра – для власти. Вот почему жизнь и смерть Михаэля – больше, чем случай и слепая судьба. Это знак времени и символ будущего... Сегодня юность исполнена жизни больше, чем она

думает. Юность всегда права перед лицом старости. Мы ждём, когда придёт день, который несёт ветер бури».

Дневниковый жанр – не случайность: дневник был для Геббельса многие десятилетия главной формой литературного самовыражения и самолюбования. Геббельс начал вести его школьником; в военные годы рейхсминистр диктовал свой дневник секретарям; последняя запись сделана в день смерти. Весна. Герой романа возвращается с фронта. Он едет в поезде. «Под бёдрами у меня уже не фыркает кровный жеребец, я не сижу больше на пушечных лафетах, не ступаю по глинистому дну окопов. Давно ли я шагал по широкой русской равнине или по безрадостным, изрытым снарядами полям Франции. Всё прошло! Я восстал из пепла войны и разрушения, словно Феникс. Родина! Германия!»

Михаэль становится студентом в Гейдельберге. Что он изучает, не так уж важно. Профессора-педанты, студентки – синие чулки, подготовка будущих учёных сухарей, всё это не для него. Главное – стать мужчиной и новым немцем. Он слушает лекцию о прародине германцев. Какое счастье узнать, что наши предки жили на Нижнем Дунае и берегах Чёрного моря. Знакомство со студентом Рихардом, тот рассказывает о марксизме: скука, голый рационализм, деньги, желудок и никаких идеалов.

Дружба с девушкой Гертой, гуляния, разговоры. «Сегодня для молодого немца есть только одна профессия: защищать Германию». – «В вашей душе живёт поэт и солдат». На прощанье она дарит ему гвоздику. В дневнике Михаэля появляется запись: «Герта Гольк, я люблю тебя!!!»

Герой уезжает в Мюнхен, новое знакомство: русский студент Иван с несколько несуразной фамилией Винуровский. Он даёт Михаэлю читать Достоевского. Михаэль перечитывает письма Герты и упивается Достоевским. «Вспыльчивая, резкая, бесцеремонная, вечно что-то замышляющая, полная ожидания, надежды, бесконечно злая и бесконечно добрая, полная глубочайших страстей, добросердечная и нежная, фанатичная во лжи и в правде, юная, нетронутая и при этом богатая глубиной, радостью, юмором, болью и тоской, вот она, душа славян, душа России». Возвращение и долгожданная встреча с Гертой. Первый поцелуй, за которым следует шеренга восклицательных знаков. Ночью под окном у Герты; он кладёт на подоконник букет красных роз и слагает стихи. На другой день возлюбленная появляется с розой на груди. Не правда ли, это что-то означает? И сколько можно ждать. Вечер вдвоём. Герта (наконец-то!) «одаряет своими дарами».

Излияния перемежаются с раздумьями. Михаэль размышляет о евреях. Его национальное и политическое самосознание крепнет под влиянием этих мыслей. «Еврей противоположен нам по своей сущности. Он осквернил наш народ, замарал наши идеалы, парализовал силу нации. Он неспособен к творчеству. По своей сущности он предрасположен к торгашеству. Он торгует всем: тряпками,

деньгами, акциями, лечебными средствами, картинами, книгами, партиями и народами».

Михаэль встречает вождя. Гитлер не назван по имени, но читатель догадывается, о ком идёт речь. Глаза фюрера подобны двум голубым звёздам. Он произносит речь. Михаэль в экстазе, он чувствует себя бойцом: «Я надеваю шлем, опоясываюсь мечом... Быть солдатом! Стоять на посту! Солдат на службе революции...» Мысли о пролетариате. «Рабочему классу предстоит выполнить свою миссию – и прежде всего в Германии. Он должен освободить немецкий народ внутренне и внешне. Это всемирная миссия. Если Германия погибнет, погаснет свет мира».

Между тем герой снова в Мюнхене. Письмо от Герты: оказывается, и она здесь. Вместе гуляют по городу. Швабинг, квартал художников и писателей: сволочной народ. Все оторвались от почвы; разлагают нацию; давно пора их отсюда выкурить. Несколько времени спустя происходит размолвка. Герта ревнует Михаэля к политике. Он пылает огнём не к ней. Прощальное письмо. Она больше не верит в его любовь. Русский друг Иван возвращается в Россию, где его ждёт большевистская пуля. Михаэль идёт работать на шахту и гибнет от несчастного случая на производстве.

Идейно-сусальное творение Геббельса не имело успеха. Серьёзная критика его не заметила.

8

«...Всё — словно сон. Вильгельмштрассе принадлежит нам. Фюрер уже работает в имперской канцелярии. Мы стоим наверху у окна, сотни и сотни тысяч людей в блеске пылающих факелов проходят мимо престарелого президента и молодого канцлера, восклицая слова благодарности и восторга... Вот он, взлёт нации! Германия пробудилась!»

Дневниковой записью в книге Геббельса «Из отеля Кайзергоф – в рейхстаг» датирована 30 января 1933 г., то есть днём, когда 85-летний президент республики фельдмаршал Пауль фон Бенекендорф унд фон Гинденбург назначил рейхсканцлером Адольфа Гитлера. Подробности захвата власти стилизованы в привычном для Геббельса истерически-выспреннем стиле; многостраничное изделие украшает надпись: «Эту книгу я посвящаю ФЮЕРЕРУ».

При дележе постов и привилегий так называемые старые борцы, обладатели партийных билетов с номерами до 100 тысяч, те, кто имел право носить золотой значок партии, – были вправе рассчитывать на благодарность вождя. В марте 1933 г. «имперский руководитель пропаганды Националсоциалистической германской рабочей партии и гаулейтер Берлина» занял пост министра народного

просвещения и пропаганды. Весьма скромный подарок. Другим соратникам достались более важные министерские портфели: оборона, иностранные дела, внутренние дела, финансы, юстиция. С самого начала своей партийной карьеры Геббельс был фанатичным приверженцем вождя (слово «фанатичный» в нацистском обиходе употреблялось в положительном смысле, близком к «беззаветно преданному». в советском политическом языке). Теперь он чувствовал себя обойдённым. Его старания дискредитировать Риббентропа, заключить соглашение с Герингом против Бормана, позднее, в союзе с Герингом, оттеснить тройку Ламмерс (начальник имперской канцелярии) – Борман (начальник личной канцелярии фюрера) – Кейтель (шеф верховного командования вермахта), имевшую право каждодневного входа к Гитлеру, составляют особую главу его биографии; мы не станем на ней останавливаться. Тем не менее очень скоро стало ясно, что его ведомство по степени важности и влияния отнюдь не уступает другим высшим учреждениям нового государства.

Компетенция шефа пропаганды в нацистском рейхе была чрезвычайно широка. Мало сказать, что министерство выполняло функции, аналогичные тем, которыми в СССР ведали Отдел пропаганды ЦК, министерства народного образования и культуры, комитеты по делам искусств и кинематографии, Главлит и ещё множество учреждений. Пропаганда, по убеждению Геббельса, не обслуживает власть, но сама есть форма проявления государственной власти, больше того, пропаганда – синоним власти; правоту этого взгляда он подтвердил на деле. Собственно министерский штат насчитывал около 1000 сотрудников, по большей части молодых людей и, само собой, членов партии. Министерство состояло из 10 отделов: административно-юридического, пропаганды, радио, печати, кино, литературы, театра, музыки, изобразительных искусств и иностранного отдела.

Вот когда развернулись во всём блеске его способности. Нигде необычайная энергия Геббельса не проявилась так ярко, как на этом посту. Никогда его непомерное тщеславие не получало столь полного удовлетворения. В импозантном кабинете с огромным глобусом и портретами вождя и Старого Фрица рейхсминистр отдаёт распоряжения, сидя за необъятным столом, чьи габариты не далеки от размеров небольшого жилого участка. Этот стол меньше циклопического рабочего стола фюрера в новой гигантской, воздвигнутой лейбархитектором Шпеером имперской канцелярии, где надо было прошагать пешком 300 метров, прежде чем попасть в зал, который служил Гитлеру рабочим кабинетом, но и стол министра пропаганды предназначен для той же цели: это символ бюрократического могущества.

Тщеславие Геббельса не принимало таких гротескных форм, как у Геринга, люди, знавшие Геббельса вблизи, подчёркивают относительную скромность его образа жизни; он избегал показной роскоши, разве только в загородных поместьях позволяя себе жить на широкую ногу. Тем не менее стоит упомянуть о том, что высокий пост изрядно обогатил имперского шефа пропаганды. Финансовые

документы, обнаруженные в его бумагах, позволяют судить о его доходах. В 1933 г. д-р Геббельс заработал сравнительно немного – 33367 марок, зато в следующем году уже около 135 тысяч. Сюда не вошли его литературные гонорары – астрономические авансы, которые он получал за сборники речей и другие сочинения; в 1936 г. они составили 290 тыс. марок. В 350 тысяч обошлось казне строительство личного бомбоубежища Геббельса под его берлинской квартирой.

Покровитель искусств сумел в полной мере реализовать и другие свои склонности. Сексуальный энтузиазм д-ра Геббельса не угасал с годами, его приключения с актрисами кино и театра, с секретаршами, с полудевами из разных слоёв общества были постоянной темой крамольных анекдотов, которые в Третей империи рассказывались так же охотно, как в Советском Союзе. В 1936 году Геббельс познакомился с 20-летней чешской киноактрисой Лидой Бааровой, успевшей сняться в паре со знаменитым Густавом Фрелихом. Загородный дом Фрелиха, где жила Баарова, на речном острове Шваненвердер под Берлином, находился по соседству с виллой министра пропаганды. История получила широкую огласку, Магда Геббельс собиралась возбудить бракоразводный процесс. Связь была прекращена по требованию Гитлера и едва не стоила Геббельсу карьеры. Фильмы с Лидой исчезли с экранов.

9

Не прошло и месяца после переворота, не успел ещё рейхсминистр разместиться в здании новообразованного министерства в правительственном квартале на Вильгельмштрассе, как в гостиницу Кайзергоф были созваны видные представители немецкого кино (в 20-х годах лидирующего в Западной Европе). Геббельс поделился своими соображениями о будущем киноискусства в новом государстве. Кино должно оставаться свободным, «но обязано приучить себя к определённым нормам». Вопреки заклинаниям искоренить «культурбольшевизм», он назвал, ко всеобщему удивлению, в числе своих любимых фильмов прогремевший незадолго до этого во всём мире «Броненосец Потёмкин» Сергея Эйзенштейна.

Когда в сентябре 1933 г. была учреждена имперская Камера (палата) культуры с доктором Геббельсом в качестве президента, она стала чем-то вроде второго министерства внутри главного министерства. Она должна была монополизировать позиции Геббельса в сфере культуры, поставив его выше министра внутренних дел Вильгельма Фрика и главного идеолога партии Альфреда Розенберга (оба казнены в 1946 г. по приговору Нюрнбергского трибунала). Высшая задача Палаты состояла в том, чтобы положить конец независимой творческой деятельности в любых её проявлениях. Членом Палаты должен быть не только каждый писатель, художник, артист, режиссёр, музыкант и т.д., – это уж само собой, – но и каждый книготорговец, издатель, владелец кинотеатра или художественной га-

лереи, даже изготовитель радиоаппаратуры и музыкальных инструментов. Для разных профессий существуют специальные отделы – отдельные камеры.

Далее министр пропаганды обнародовал закон, регламентирующий работу редакторов и журналистов: работник печати приравнен к государственному служащему, критика режима исключена, пресса контролируется и направляется государством. При этом каждый журналист обязан представить свидетельство об арийском происхождении для себя и своей жены.

Несколько позже это правило было распространено и на деятелей искусства. Для всемирно известного кинорежиссёра Фрица Ланга, автора «Нибелунгов» и «Метрополиса», ветерана первой Мировой войны, который был сыном еврейки, могущественный шеф пропаганды сделал исключение, разрешив ему не представлять арийское свидетельство. Он даже предложил Лангу высокий пост. Ланг уклонился от этой чести и эмигрировал в США.

Нужно заметить, что фильмы, которые откровенно, в лоб пропагандировали идеалы националсоциализма («Юный гитлеровец Квекс» Ганса Штейнгофа, «Штурмовик Бранд» и тому подобные, немедленно появившиеся на экранах издательства), в общем ставились редко, исключением на этом фоне были высоко оценённые Гитлером квазидокументальные пропагандистские киноленты Лени Рифеншталь «Победа веры» и «Триумф воли», «Праздник народов» и «Праздник красоты», которые можно отнести к числу шедевров фашистского искусства (что не мешало Рифеншталь враждовать с Геббельсом, на которого Лени сумела найти управу у самого фюрера). Чаще, однако, публике предлагались псевдоисторические фильмы, весьма похожие на героико-монументальные произведения кинематографии фашистского толка в СССР, вроде «Петра Первого» В. Петрова или «Александра Невского» С. Эйзенштейна. Основную же массу кинопродукции составляли развлекательные фильмы, которым министерство пропаганды придавало, особенно во время войны, большое значение: музыкальные, комедийные, любовно-сентиментальные, мелодраматические, почвенные на сюжеты в стиле так называемой деревенской литературы; нацистский дух этих фильмов не давал себя знать столь назойливо. И подобно тому, как залитая солнцем река, по которой идёт белый теплоход, и радостные песни Дунаевского в исполнении Любови Орловой в фильме Григория Александрова «Волга-Волга» шли на незримом фоне Большого террора 1937–38 годов, так чарующие ландшафты Германии, песни и танцы Марики Рёкк, Ильзе Вернер и Зары Леандер, лучистый взгляд и смущённая улыбка Кристины Зедербаум в аполитичных по видимости кинобоевиках нацистского производства должны были заслонить действительность лагерей массового уничтожения, вне которой они, однако, были невымыслимы.

И теперь, через много лет, эти фильмы выполняют ту же функцию, заставляя зрителей в обеих странах позабыть хотя бы ненадолго о том, что произошло.

Важнейшими каналами пропаганды оставались, однако, печать и радио. Ежеутренне в конференц-зале своего министерства Геббельс давал руководящие указания редакторам крупных газет и радиокомментаторам. Гитлер не зря сказал однажды: «Дух сопротивления уничтожен нами при помощи радио». Был выброшен лозунг: радиовещание в каждой семье! Промышленность получила государственный заказ на изготовление дешёвых радиоприёмников. (Народ прозвал их Goebbels-Schnauze, «глоткой Геббельса»). Уже к 1934 году было выпущено 6 миллионов приёмников, спустя четыре года в стране было 9 с половиной млн. радиоточек.

Картина «националсоциалистически ориентированного» живописца-лауреата Пауля Маттиаса Падуа «Говорит фюрер» даёт представление о том, чем должно было стать (и отчасти стало) домашнее радио: семья рабочего собралась вокруг ящика с затянутым материей круглым окошком для рупора. В центре сосредоточенно внимающий отец семейства. Жена, погруженная в эротический экстаз. Младшая дочурка у неё на коленях не сводит глаз с матерчатого экрана. Зачарованные лица старших детей. На стене портрет того, чей голос витает над всеми. Само собой, не упускал любого повода выступить по радио и министр пропаганды.

Два столпа пропаганды – прославление и разоблачение. Режим утверждает себя в борьбе с врагами и чахнет без врагов. К числу особо выдающихся достижений Геббельса нужно отнести знаменитую мюнхенскую выставку 1937 года «Искусство вырождения», истребление картин и сожжение книг.

Термин «искусство буржуазного вырождения», упадочное, антинародное искусство, порождённое якобы гибнущим капитализмом, широко применялся, как мы помним, и в советском искусствоведении. И там, и здесь под ним подразумевались школы и направления изобразительного искусства конца XIX и начала XX в., порвавшие с художественным натурализмом, – проще говоря, всё то, что не соответствовало канонизированному режимом идеалу красоты и мещанскому вкусу вождя. Немецкие музеи располагали богатейшими собраниями произведений парижской школы, мастеров немецкого и зарубежного экспрессионизма и т.д. Представительные образцы были свезены в «столицу движения» и город искусств Мюнхен. Экспозицию (позднее дополненную выставкой «Вырождение музыки») в только что сооружённом Доме немецкого искусства, с пояснительными щитами, фотографиями, изречениями вождя, посетил Гитлер, посетили три миллиона экскурсантов, всё это сопровождалась шумной кампанией в прессе, после чего несколько тысяч полотен были публично уничтожены в Берлине.

Там, где горят книги, будут сжигать людей. Сколько раз потом вспоминалась эта фраза Гейне. «Союз немецких студентов» учредил под покровительством

Геббельса собственное Главное ведомство печати и пропаганды. Оно и взяло на себя акцию символического сожжения книг в стране, где было изобретено книгопечатание. Дело поставили на широкую ногу. Вредная литература по тщательно составленным спискам изымалась из публичных библиотек. Празднество состоялось 10 мая 1933 года во всех университетских городах в присутствии ректоров и профессоров. Автофургоны сгружали книги на площади. Хор ревел песню Хорста Весселя. Деятели студенческого союза выкрикивали лозунги, в Берлине священнодействовал лично доктор Геббельс. Зачитывались «Двенадцать тезисов против антинемецкого духа». Этим духом были проникнуты книги писателей-эмигрантов, евреев, фронтовиков, «оплевавших фронтовое братство», писателей левых убеждений, романы Генриха Манна, Лиона Фейхтвангера, Эриха Марии Ремарка, сочинения Маркса и Фрейда, публицистика Тухольского и Осецкого и многое другое; они и полетели в огонь. Оскар Мария Граф, романист и поэт, баварец с головы до ног, который в это время находился в Вене, опубликовал открытое письмо властям Третьей империи под заголовком «Сожгите и меня!»

11

Литература была предметом особого попечения Геббельса, – в конце концов, он сам был писателем. В докладе «Умственный работник в борьбе за судьбу державы», произнесённом в актовом зале Гейдельбергского университета в июле 1943 года (и включённом в сборник «Крутой подъём»), Геббельс рассуждает о вреде интеллектуализма – излюбленная тема нацистской публицистики, где слово «интеллигент» было бранным. До сих пор привилегией руководить нацией пользовался слой богатых и образованных. Но революция опрокидывает старые алтари и воздвигает новые. Не интеллект, а железная воля, сильный характер и руководство – вот что необходимо. «Мы все состоим на суровой службе во имя исторической задачи, и суд грядущих поколений о нас и нашей эпохе будет зависеть от того, оказались ли мы на уровне этой задачи, выполнена ли она нами в том стиле и с тем успехом, которые обеспечат нам восхищение потомков».

В читающей стране проводником нового общеобязательного мировоззрения, инструментом индоктринации – становится литература. Партия придаёт литературному делу первостепенное значение. Тотальный контроль над литературой в нацистском государстве осуществлялся по хорошо известному рецепту: многоступенчатая лестница цензурно-бюрократических сит и шлюзов, с одной стороны, и поощрение преданных режиму людей на всех этажах – с другой. Но система надзора не была единой; в известной мере она отражала борьбу за первенство в кругах, близких к вождю; кроме министерства пропаганды, литературой занималась и Комиссия партийного контроля, и ведомство Розенберга – имперское

управление поощрения немецкой письменности. Одно лишь перечисление всех этих канцелярий говорит о масштабах бюрократического дирижирования литературой. В то же время сложность контрольного аппарата оставляла возможность лазеек и уловок разного рода, оставляла шансы, пусть незначительные, для появления ненацистских и даже антинацистских произведений: как крайнее исключение можно упомянуть роман Эрнста Юнгера «На мраморных скалах», вышедший в самом начале войны.

Всё же первую скрипку играло министерство Геббельса. Первым делом надо было перетряхнуть состав литературной секции Прусской академии искусств. Почти сразу после переворота писателям было предложено сообщить в президиум академии, хотят ли они оставаться «в рядах». Если да, они подписывают обязательство впредь воздерживаться от критики правительства и заявляют о готовности сотрудничать с новым режимом. Девять из 27 членов литературной секции, в том числе Томас Манн, Альфред Деблин и Якоб Вассерман, отказались поставить подпись под этой бумагой. Исключительно резко и смело ответила Рихарда Хух. Она заявила, что уходит из академии. Вслед за ней ушли или были изгнаны братья Манн, Деблин, Вассерман, Франц Верфель, Леонгард Франк, Бернгард Келлерман, Фриц фон Унру, Рене Шикеле – цвет тогдашней немецкой литературы; мы назвали далеко не всех. Существовавший в Германии Союз защиты прав писателей был прибран к рукам и в дальнейшем преобразован в филиал вышеупомянутой Палаты культуры – имперскую Палату письменности (отчасти напоминающую Союз писателей СССР). Немецким писателям вменялось в обязанность дать письменную клятву верности фюреру и его режиму. Результат всех этих мероприятий было легко предвидеть: выдвижение на руководящие посты бездарностей, оттеснение лучших, запреты, преследования и массовая эмиграция писателей – евреев и неевреев.

12

Геббельс оставил, если можно так выразиться, обширное творческое наследие. Кроме художественных произведений, о которых говорилось выше, кроме объёмистых, в значительной части сохранившихся и ныне полностью изданных дневников (имеется русский перевод фрагментов), его перу принадлежат сборники статей, речей, пропагандистские брошюры, антисемитские памфлеты. Всё это теперь, за исключением дневников, – раритеты.

Вершина карьеры Йозефа Геббельса как политического писателя и самое знаменитое из его выступлений – речь о тотальной войне в пятницу 18 февраля 1943 г. в берлинском Дворце спорта.

После поражения Красной Армии под Харьковом летом 1942 года немцы двинулись к Дону, одна группа наступающих войск повернула на юг, к Кавказу, другая устремилась к излучине Волги. К исходу октября передовые части вермахта

овладели большей частью Сталинграда. Почти все жители города погибли (приказом Сталина эвакуация мирного населения была запрещена), вместе с ними потери обороняющихся приблизились к двум миллионам. В конце ноября VI армия генерала Фридриха Паулюса была окружена между Волгой и Доном, попытки прорвать кольцо не увенчались успехом.

Посланная в Берлин 31 января 1943 г. из подвала универмага на бывшей площади Героев революции, в центре разрушенного Сталинграда, радиограмма командования Шестой армии заканчивалась словами: «Выслушав воззвание фюрера в нашем бункере, мы единодушно вскинули руки для немецкого приветствия, быть может, в последний раз». Армия капитулировала. К этому времени от 250-тысячной рати в живых осталось 90 тысяч, вернулось из плена после войны восемь тысяч.

Был объявлен трёхдневный государственный траур. По распоряжению Геббельса газеты вышли в чёрных рамках. Радиопередачи начинались с глухого барабанного боя. Спустя короткое время шеф пропаганды возвестил о тотальной войне.

Нужно сказать, что с самого начала у Геббельса – об этом свидетельствует дневник – были серьёзные сомнения насчёт перспектив военной кампании на два (а впоследствии на три) фронта. Стремительное продвижение вермахта вглубь России как будто развеяло эту неуверенность. «Фактически мы уже победили», – записал он осенью 1941 г. В дальнейшем главной задачей министра пропаганды было убедить немецкое население, постепенно терявшее веру в победу, что у него нет другого выхода, как напрягать все силы, мобилизовать все резервы, принести любые жертвы – во имя собственного спасения. Тут говорилось и о великой миссии германского народа, и об исторической схватке с врагом человечества – мировым еврейством, которое одинаково правит Москвой, Лондоном, Вашингтоном, англо-американской плутократией и русским большевизмом, и о защите Европы от азиатских орд. Идеи Геббельса не отличались новизной, но виртуозность, с которой он манипулировал ими применительно к обстановке, твердил сегодня одно, завтра другое, препарировал действительность, препарировал историю и лгал, безоглядно, непрерывно, самозабвенно, – поистине достойна удивления. Нечего и говорить о том, что Геббельс (как и сам фюрер) никогда не ораторствовал «по бумажке». Всё же его выступления не были импровизациями. Поведение этого макабрского клоуна на трибуне, жестикуляция, владение голосом, риторические вопросы, рассчитанные паузы – выдают в нём профессионала высокой квалификации. Он внимательно прослушивал записи своих речей, прежде чем пускать их в эфир, вставлял дополнительные овации там, где они казались ему недостаточными, и не упускал случая похвастаться перед самим собой в дневнике своим успехом у публики. Успех, надо сказать, был немалый.

Ораторская манера министра пропаганды отличалась от стиля выступлений обожаемого вождя. Поведение Гитлера на трибуне могло навести на мысль о

большом истерическом припадке. Отчасти это было в духе времени, пафос с клиническим оттенком не вызывал улыбок. Фашистские режимы отличаются каменной серьёзностью. Вот запись митинга на Королевской площади в Мюнхене, февраль 1934 года. Гул толпы. Срывающийся голос Рудольфа Гесса: «Адольф Гитлер!.. Это!.. Германия!.. А Германия!.. Это... Адольф...» Затем наступает тишина, шелестит пространство, мы слышим другой голос, сначала негромкий, потом всё выше, доходящий до визга. Во время своих больших речей обливающийся потом фюрер терял в весе несколько килограммов и сходил с пьедестала в состоянии, близком к изнеможению после полового эксцесса. Гитлер, что называется, самозаводился. Геббельс, по всей видимости, был актёром с головы до ног, – что не исключало искренней, поистине беззаветной преданности режиму и харизматическому вождю. Геббельс был фантастическим лгуном, атеист – он уснащал свои речи религиозной терминологией, враг большевизма – восхищался в своём дневнике диктатурой Сталина; но, оставаясь лицедеем, он не был лицемером.

13

Армия на Волге зажата в клещах, транспортная авиация не справляется со снабжением окружённых войск, тысячи солдат ежедневно гибнут от холода, недоедания и артиллерийских обстрелов, но Геббельс всё ещё убеждён – так он пишет в своём дневнике, – что «благодаря фюреру и храбрости наших войск вновь удастся справиться с кризисом. Вот почему, – продолжает он, – было бы хорошо, если бы мы воспользовались нынешней обстановкой, чтобы в широчайших масштабах осуществить тотальное ведение войны...»

«Фюрер прислал ко мне Бормана, чтобы обговорить всесторонне вопрос о тотальной войне. При всей серьёзности обсуждаемой темы для меня это – настоящий триумф: я констатирую, что все мои мысли и пожелания, которые я неустанно выдвигаю вот уже полтора года, теперь одним толчком предстоит воплотить в действительность».

В январе 1943 г. Гитлер возвестил о тотальной мобилизации всех материальных и людских ресурсов для окончательной победы. Спустя полтора года (только что произошло неудавшееся покушение Клауса Штауфенберга на Гитлера в Волчьей норе; Красная Армия подошла к границам Восточной Пруссии, вторглась в район восточнее Варшавы и бывшую Галицию; союзники высадились на французском побережье; англо-американская авиация планомерно бомбит немецкие города; американцы продвигаются вверх по итальянскому сапогу) Геббельс был официально назначен главным имперским уполномоченным по ведению тотальной войны.

«Тотализация» войны – программа, намеченная ещё классиком военной науки Карлом фон Клаузевицем и героем первой Мировой войны генералом Людендорфом, но осуществлённая лишь во время второй Мировой, сначала в СССР, а затем в Германии. Конкретно в интерпретации Геббельса тотальная война означала, в числе прочих мероприятий, всеобщую трудовую повинность в тылу, мобилизацию рабочей силы из оккупированных стран, народное ополчение (фольксштурм, вооружённые отряды из не подлежащих призыву гражданских лиц), летучие полевые суды для «элементов, разлагающих вооружённые силы», арест родственников солдат, сдавшихся в плен без сопротивления, отряды-«оборотни» для продолжения войны за спиной у врага, всякого рода кампании, утешительные новости и подбадривающие лозунги («победа или смерть», «крепость Европа», мнимые или действительные разногласия в лагере союзников, новое, якобы припрятанное на крайний случай чудодейственное оружие и проч.). Тотальная война означала войну, в которую вовлечены все без разбора; её жертвой становится всё население.

Грандиозный спектакль во Дворце спорта начался в пять часов вечера. В зале находилось 14 тысяч человек. Широкий проход, трибуна, флаги со свастикой, лозунг во всю стену над головой оратора: «Тотальная война – кратчайшая война!»

Речь Геббельса продолжалась два часа. В восемь, через час после её окончания, она была передана по берлинскому радио, но так, как будто трансляция шла непосредственно из зала; в предварительном сообщении не говорилось, в каком часу начнётся выступление министра пропаганды, – вероятно, для того, чтобы союзная авиация не помешала Геббельсу (как это случилось незадолго до того с Герингом, чья речь было прервана из-за воздушной тревоги). Текст речи Геббельса о тотальной войне поступил на радио накануне, с указаниями министра, как надлежит её подать. Речь сохранилась в виде звукозаписи и частично – на киноплёнке. Зал неистовствовал, это была демонстрация преданности, восторга, полной потери человеческого достоинства. Успех в равной мере объяснялся специфическим подбором публики и взвинченностью оратора, который превзошёл самого себя. «Я думаю, – записал Геббельс на другой день, – Дворец спорта никогда ещё, даже в годы борьбы, не видел подобных сцен».

Речь преследовала разные цели. Прежде всего она должна была поднять настроение, упавшее после катастрофы под Сталинградом. Речь была предназначена обосновать разработанные шефом пропаганды чрезвычайные меры, – для этого, между прочим, требовалось подавить сопротивление конкурентов Геббельса в высшей партийной и государственной бюрократии, оказать давление и на самого фюрера; речь должна была укрепить позиции Геббельса. И, наконец, она очевидным образом имела целью повлиять на западных союзников: авось угроза большевизма ослабит их волю сокрушить Германию.

Под рёв зала речь была закончена патетическим возгласом: «Хотите ли вы тотальной войны?»

– Да! Да! Да!!!
Они её получили.

14

К концу января последнего года войны русские овладели Краковом, Лодзью, осадили Кенигсберг, отрезали Восточную Пруссию от остальной Германии, вышли на Одер между Франкфуртом и Кюстрином. Начиная с 16 января Гитлер находился в Берлине; 31 января он назначил Геббельса начальником обороны Берлина. Это означало, что Геббельс, никогда не воевавший, не имевший военного звания, должен был стать во главе вооружённых сил, которым предстояло защищать столицу. Это значило также, – известие, с ужасом воспринятое населением четырёхмиллионного города, – что Гитлер готов сделать Берлин ареной боёв. Доктор Геббельс обзавёлся офицерской фуражкой, но форма, которую он носил, была по-прежнему формой нацистской партии (он оставался гаулейтером Берлина). Партийные бонзы, становясь военачальниками, всё же не получали военных чинов и не носили погон. В феврале здание министерства пропаганды дважды подверглось налётам с воздуха. Весь штат перебрался в бомбоубежище, частью разместился в апартаментах рейхсминистра на Герман-Герингштрассе.

В личном бункере Гитлера под зданием имперской канцелярии Геббельс звучным голосом читает диктатору «Историю Фридриха Великого» Томаса Карлайля, страницы, где рассказано о том, как вслед за ослепительными победами в Семилетней войне наступили тяжелейшие дни, одна весть хуже другой приходит к королю, теснимому со всех сторон вражеской коалицией. В последний момент провидение спасает великого короля, неожиданно умирает в Санкт-Петербурге императрица Елизавета Петровна, главный враг Пруссии. Новый царь Пётр III протягивает Фридриху руку мира.

Находящийся в ведении Гимmlера особый «исследовательский отдел» получил задание составить гороскопы вождя и рейха. Потрясающий результат: оба гороскопа указывают на победу во второй половине апреля, после серии тяжелых неудач. Под вечер 13 апреля Геббельс прибывает в Кюстрин, городок у впадения Варты в Одер, разбитый снарядами; там находится штаб IX армии. Огненная речь перед штабными офицерами. Геббельс ссылается на исторический прецедент – внезапный поворот Семилетней войны в 1762 году. Кто-то из слушателей осторожно спросил, какая царица может сейчас умереть в Москве, чтобы счастье повернулось лицом к немецкому отечеству. Геббельс не нашёлся что ответить, но в тот же вечер приходит ошеломительное известие. Геббельс, вернувшийся в Берлин, на который вновь сыплются бомбы – большой налёт английской авиации, – приказывает подать шампанское и приглашает Гитлера в кабинет, где на-

крыт стол. «Мой фюрер! Произошло чудо. Бог не оставил нас. Судьба сокрушила нашего опаснейшего врага. Умер Рузвельт!»

15

Последняя большая речь доктора Геббельса по радио была произнесена 19 апреля, накануне дня рождения Гитлера. «В минуту войны, в момент, когда, быть может, – хотелось бы верить, – в последний раз силы ненависти и разрушения сошлись на наших фронтах с запада, востока, юго-востока и юга, чтобы прорвать их и поразить империю смертельным ударом в сердце, я выступаю, как всегда это делал начиная с 1933 года, в канун 20 апреля перед народом, чтобы говорить с ним о фюрере...»

Фюрер к этому времени окончательно заперся в подземелье. Огромное сооружение, находившееся, как уже сказано, под зданием рейхсканцелярии на Вильгельмштрассе в центре Берлина, по соседству с Тиргартеном и Бранденбургскими воротами, представляло собой комплекс официальных, жилых и служебных помещений: два конференц-зала, гостиная, кабинет и спальня Гитлера, спальня Евы Браун, врачебный кабинет и комнаты для двух лейбврачей, пункт неотложной помощи и экстренной телефонной связи, секретариат, комната дежурного, помещение для охраны СС, силовая станция и пр. Через узкую трёхмаршевую лестницу можно было незаметно выбраться из убежища в сад канцелярии.

Первоначально предполагалось, что фюрер оставит бункер и осаждённый город, чтобы укрыться на юге, в Зальцбургских Альпах, и продолжать борьбу из «Альпийской крепости». Геббельс убеждал его оставаться в Берлине, если надо – погибнуть, защищая столицу. Гитлеру исполнилось 56 лет. В бункере собралось руководство Тысячелетнего рейха: Геринг, Геббельс, Гиммлер, Борман, Шпеер, Лей, Риббентроп и высшие чины вермахта. Явилась и Ева Браун. Поздравления, ответное слово Гитлера, в саду канцелярии фюрер обошёл строй подростков, бойцов отряда гитлеровской молодёжи. Это последние, хорошо известные кадры киноплёнки, запечатлевшие Гитлера, измождённого, с трясущимися руками. После обеда Гиммлер, Риббентроп и почти все военачальники покинули бункер. Их ожидала колонна грузовиков. Незаметно исчез Борман. Распрощался с вождём и рейхсмаршал Геринг: его ждали «неотложные задачи на юге». Геббельс остался.

Геббельс, его жена Магда и шестеро детей выехали в двух машинах из городской квартиры в пять часов пополудни 22 апреля. Рейхсминистр пропаганды, главный уполномоченный по ведению тотальной войны и начальник обороны Берлина переселился с семьёй к Гитлеру, в его убежище. С отъездом Геббельса персонал министерства разбежался. Весь правительственный квартал представлял собой нагромождение руин. В этот день Гитлер собрал свой штаб – тех, кто

ещё остался, – для «обсуждения обстановки». Обсуждение было прервано взрывом дикого гнева. Вождь, с вылезшими из орбит глазами, сотрясаясь всем телом, буйствовал три часа, он обвинял коварного врага, изменников-подчинённых и не достойный своего фюрера немецкий народ. Все тупо ждали, когда кончится припадок. Внезапно Гитлер умолк. Затем он командировал Кейтеля на Эльбу, где XII армия генерала Венка шла на помощь Берлину. Она никогда не пришла. Четыре дня спустя снаряды советской артиллерии уже рвались в саду имперской канцелярии.

Последние дни обитателей подземелья описаны много раз. 29 апреля Геббельс был официальным свидетелем на бракосочетании Гитлера и Евы Браун. Гитлер продиктовал своё политическое завещание («Прежде всего, как самое важное, я обязываю руководство нации и подчинённых неукоснительно соблюдать расовые законы и продолжать неуклонное сопротивление мировому отравителю всех народов – международному жидовству») и назначил Геббельса своим преемником (рейхсканцлером). На другой день фюрер и Ева покончили с собой. На одни сутки Йозеф Геббельс стал главой правительства более не существующего государства. Вечером 1 мая 1945 года, между половиной девятого и девятью, Геббельс подписал приказ взорвать бункер. Магда Геббельс приготовила ампулы с цианистым калием для всей семьи. На рассвете русское подразделение ворвалось в сад. С автоматами в руках обследовали развалины бомбоубежища. Затем поднялись наверх и только тогда увидели обгорелые трупы министра пропаганды, его жены и детей.